

Политико-географический аспект первого этапа формирования системы российских поселений в Приамурье (1848–1858 гг.)

Сергей Андреевич БОЕНКОВ
аспирант
boenkov.bf@gmail.com
Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток, Россия

Аннотация. Рассмотрено первичное закрепление суверенных позиций России на юге Дальнего Востока в середине XIX в. Основой этого процесса стала закладка поселений на землях, фактически пустовавших за время их принадлежности Империи Цин. Инструментом для реализации этого процесса стал опорный каркас контроля над новыми территориями страны. В Приамурье этот созданный опорный каркас является классической линейно-узловой структурой. Его задача заключалась в обеспечении безопасности процесса освоения новых приобретенных территорий и их защите от внешних посягательств. В качестве узлов в данном случае выступали населенные пункты, на тот исторический момент еще не сильно отличавшиеся друг от друга по численности и функционированию (военно-гражданское освоение новоприобретенных земель). Линейные элементы представляли собой пути сообщения, обеспечивающие оперативную связь между данными узлами с целью эффективного реагирования на возникающие угрозы и своевременную доставку припасов. В работе показано последовательное образование элементов данной структуры. Определен ее абрис, который, с одной стороны, был объясним привязанностью к наиболее доступным водным (морским и речным) транспортным путям, а с другой – политико-географическими и геополитическими реалиями. Сформировавшаяся структура опорного каркаса была разделена автором на два пространственных сектора: Амурский и Охотско-Камчатский, каждый из которых выполнял свои функции, связанные с защитой границ, освоением ресурсов и установлением торговых связей. Исследование раскрывает стратегическое значение этих мер для укрепления российского влияния в регионе.

Ключевые слова: Приамурье, контроль над территорией, каркас, ось, узел

Для цитирования: Боенков С.А. Политико-географический аспект первого этапа формирования системы российских поселений в Приамурье (1848–1858 гг.) // Тихоокеанская география. 2025. № 2. С. 55–65. https://doi.org/10.35735/26870509_2025_22_5.

Political and geographical aspect of the first stage of the formation of the system of Russian settlements in the Amur region (1848–1858)

Sergey A. BOENKOV

Postgraduate student

boenkov.bf@gmail.com

Pacific Geographical Institute, FEB RAS, Vladivostok, Russia

Abstract. The article examines the initial consolidation of Russia's sovereign positions in the southern part of the Far East in the mid-19th century. This process was driven by the strategic need to secure newly acquired territories following the Treaty of Aigun (1858) and the Convention of Peking (1860), which formalized Russia's control over the Amur and Ussuri regions. The foundation of this process was the establishment of settlements on lands that had effectively remained vacant during their belonging to the Qing Empire. These lands under Qing jurisdiction were sparsely populated, creating an opportunity for Russia to implement a systematic colonization strategy. A framework to control Russia's new territories and to integrate the regions into the empire's administrative and defensive systems was set up. The framework created in the Amur region is a classic linear-nodal structure. Its purpose was to ensure the security of the development process of the newly acquired territories and to protect them from external encroachments. In this case, the nodes were formed by settlements that at that stage do not much differ from each other in terms of population or functioning (military-civilian development of the newly acquired lands). These settlements served dual roles as both military outposts and centers of civilian administration, facilitating gradual economic integration. Communication routes were the linear elements that ensure operational connectivity between these nodes for effective response to emerging threats and timely delivery of supplies. These routes, primarily riverine and later supplemented by overland trails, were vital for maintaining logistical and military cohesion across the vast territory.

The paper presents the sequential formation of elements of this structure, highlighting how Russia adapted its colonial policies to the region's geographical and geopolitical constraints. The outline of the structure is determined, which, on one hand, was explained by its reliance on the most accessible water (maritime and river) transport routes, and on the other hand, by political-geographical and geopolitical realities. The Amur River, in particular, served as a natural artery for transportation and communication, while the coastal zones near the Sea of Okhotsk provided strategic maritime access. When examining the formed structure, it was divided into two spatial sectors: the Amur and the Okhotsk-Kamchatka, each of which performed its own functions related to border protection, resource development, and the establishment of trade links. The Amur sector focused on agricultural settlement and river-based trade, while the Okhotsk-Amur sector prioritized naval presence and resource extraction. This division reflected the region's diverse economic and strategic needs.

Keywords: the Amur region, control over the territory, axis, node

For citation: Boenkov S.A. Political and geographical aspect of the first stage of the formation of the system of Russian settlements in the Amur region (1848–1858). *Pacific Geography*. 2025;(2):55-65. (In Russ.). https://doi.org/10.35735/26870509_2025_22_5.

Введение

Основным ресурсом государства является территория – подконтрольная ему часть земной суши и морских акваторий, недра, шельф и расположенные над ними водные пространства. Это обусловлено теми важнейшими обстоятельствами, что государствен-

ная территория: 1) является местом расселения граждан (подданных) конкретного государства; 2) представляет собой место сосредоточения природно-ресурсного потенциала, которым упомянутое население пользуется, удовлетворяя свои разнообразные жизненные потребности [1]. Отсюда проистекает задача удержания контроля над территорией. Данная проблема всегда была актуальной и рассматривалась в трудах различных авторов античности, Средневековья и «Нового времени» [2–4]. Важное значение изучению этой проблемы придавали крупнейшие специалисты в области геополитики – Х. Маккиндер [5], П.Н. Савицкий [6], Л.Н. Майков [7], М.К. Любавский [8], В.П. Семенов-Тянь-Шанский [9]. Из современных ученых упомянем наиболее значимых – Ф. Броделя [10], И.А. Витвера [11], В.А. Колосова и Н.С. Мироненко [12]. На Дальнем Востоке в последние годы освещению данной тематики уделяли внимание такие представители географической науки, как П.Я. Бакланов и М.Т. Романов [13].

В конце XX – начале XXI в. произошли тектонические сдвиги в глобальной мировой политике, одной из сторон которых является обострение борьбы за контроль над источниками ресурсов и торговыми путями, т.е. над вмещающим их пространством. Целый ряд возникших в этой связи конфликтов напрямую касается России, для которой жизненно необходима защита своих рубежей и восстановление территориальной исторической справедливости. Этим объясняется актуальность проводимого исследования.

К числу инструментов осуществления контроля над территорией относится создание соответствующего пространственного каркаса. Понятие опорного каркаса как совокупности населенных пунктов и соединяющих их путей сообщения введено в отечественную социально-экономическую географию Н.Н. Баранским [14], сделавшим это вполне логично, поскольку населенные пункты являются местами сосредоточения различных человеческих сообществ, которые осуществляют самую разнообразную (экономическую, культурную, организационную и т.д.) деятельность, а пути сообщения представляют собой те «каналы», по которым происходит обмен результатами (как материальный, так и информационный) этой деятельности. По мнению Г.М. Лаппо, опорный каркас – это «...сочетание главных фокусов (центров) хозяйственной, социальной и культурной жизни страны, а также соединяющих их социально-экономических линий» [15, с. 16]. Таким образом, это понятие способно отразить все аспекты общественного бытия. Как отмечал И.М. Марергойз, оно является «в высшей степени информативным» [16, с. 7] и потому открытым для дальнейшего развития и конструктивных достроек. Важное значение имеет это понятие для такого научного направления как политическая география, активное развитие которого диктуется все более нарастающей динамикой политической жизни на внутри- и межгосударственном уровне [17]. Между тем эта область познания все еще находится на стадии своего теоретического становления [18]. Но не вызывает сомнения тот факт, что политическая деятельность и ее результаты так же, как и все остальные общественные явления, вписываются в концепцию пространственной структурной организации и потому не могут не обладать собственным опорным каркасом [19].

Очевидно, что формирующими его элементами являются имеющие стратегическое значение населенные пункты и пути сообщения, назначение которых состоит в обеспечении безопасности различных видов деятельности общества путем защиты от внешних посягательств и внутренних угроз (проявлений сепаратизма, бандитизма, политической анархии). И в этой связи снова необходимо обратиться к высказыванию Н.Н. Баранского о том, что «каркас формирует территорию, придает ей определенную конфигурацию» [14, с. 168]. В данном случае оно применимо к процессу формирования государственной территории и пространственным структурным мероприятиям, предназначенным для ее удержания.

Создание такого каркаса разворачивается в пространстве и времени и имеет достаточно объемную ретроспективную основу. Для такой большой по размерам страны, как Россия, этот процесс имеет множество региональных вариаций. В этой связи целью данной публикации является краткий обзор начала формирования каркаса контроля нашей страны

над территорией юга Дальнего Востока за период с 1848 по 1858 г., включающий рассмотрение региональной внешнеполитической обстановки в указанное время; анализ внутренних событий, связанных с формированием этого каркаса; характеристику его состава и структуры.

Материалы и методы

Материалами для проведения исследования послужили различные научные литературные и архивные источники. При этом использовались методы: историко-географический, аналитический.

Результаты и их обсуждение

После длительного вооруженного конфликта 1649–1689 гг. Россия и маньчжурская Империя Цин заключили Нерчинский договор, который определил границы территориального разграничения между ними. Рубеж в Приамурье был определен по притоку р. Амур – р. Горбица (левый приток Амура, который берет начало на Яблоновом хребте, протекает с севера на юг, протяженностью 76,646 км), Становому хребту (по маньчжурской версии; по российской – по водоразделам хребтов, расположенных почти на 500 км южнее) и р. Уда, впадающей в Охотское море. В результате Россией были утрачены Среднее и Нижнее Приамурье с плодородными землями Амуро-Зейской равнины, судоходный путь по руслу р. Амур, ухудшилось геостратегическое положение Забайкалья и Якутии. Но в это же время были достигнуты большие территориально-политические успехи на северо-востоке: присоединены земли от р. Колыма до устья р. Анадырь, п-ов Камчатка; получены достоверные сведения о Курильских островах и непроверенные – о северо-западном побережье Северной Америки. Позже, в XVIII в., состоялось присоединение Курильского архипелага и п-ова Аляска.

Эти приобретения в силу богатства их ресурсного потенциала принесли стране огромную материальную выгоду [20], позволили утвердить свое суверенное присутствие в бассейне Тихого океана. Однако экстремальные природно-климатические условия этих территорий в совокупности с практически полной транспортной изоляцией по суше от остальной части государства являлись серьезным препятствием в освоении ресурсов и в заселении земель Северо-Востока России, их интеграции во внутреннее общегосударственное пространство [2]. В этой связи к началу XIX в. вопрос о возвращении утраченных в Приамурье земель вновь стал одним из важнейших внешнеполитических приоритетов российского государства [21].

Со времени заключения Нерчинского договора Империя Цин не осуществляла мероприятий по освоению Приамурья и укреплению границы [22]. По разным причинам эта территория оставалась фактически неосвоенной и слабо заселенной – численность проживавших здесь подданных Империи Цин составляла 100–150 тысяч человек, основную часть из них – это военные в гарнизонах укрепленных лагерей и обслуживавшие их ссыльнопоселенцы [23], что могло свидетельствовать об отсутствии надежной внутренней структуры района.

К моменту перехода к активным действиям по возвращению Приамурья со стороны генерал-губернатора Н.Н. Муравьева (с 1858 г. – Муравьев-Амурский), по результатам высадки команды Г.Н. Невельского в 1849 г. в устье р. Амур, стало известно, что русло реки доступно для движения морских судов [24]. Этот факт открыл возможность России укрепить свои позиции в Северной Пацифике. Для этого ей было необходимо официально утвердить за собой право свободного судоходства по р. Амур и сухопутного движения вдоль его берегов.

При анализе проблемы возвращения российских позиций в Приамурье важен внешнеполитический аспект. В это время в Империя Цин имел место затяжной социально-экономический кризис, обостренный крайними этно-политическими противоречиями между китайским большинством населения этой страны и правившей иноэтнической элитой завоевателей-маньчжуров. Следствием этого стало мощное освободительное движение, апогеем которого являлось национально-освободительное восстание Тайпин (1850–1864 гг.). Этим воспользовались европейские державы, стремившиеся усилить свое влияние в охваченной беспорядками стране, в том числе путем территориальных приобретений [25]. В первую очередь, речь идет о Великобритании и Франции, отношения которых с Россией также развивались в направлении военного столкновения. Английская политика строилась в формате «Большой игры», направленной на сдерживание России по всему периметру ее границ от Финляндии до Аляски [26], одним из ее результатов Лондон видел аннексию Аляски и Сибири [27]. Антироссийская политика Франции была менее жесткой и целенаправленной и обуславливалась по преимуществу желанием взять реванш за свое поражение в 1812 г. [28].

Совокупность данных обстоятельств побуждала Россию к энергичным действиям. В 1849 г. была организована Амурская экспедиция Невельского, которая действовала до 1855 г. В результате ее работы были детально изучены низовья р. Амур и побережье Охотского моря. В 1850 г. на берегу р. Амур был заложен пост, названный Николаевским (ныне г. Николаевск-на-Амуре): первый опорный пункт, ставший заслоном от европейского проникновения в Приамурье и далее – в Сибирь [29].

У Николаевска отсутствовала устойчивая линейная связь с компонентами уже созданного опорного каркаса на территории Якутской области. Данную проблему необходимо было в срочном порядке решать. Для этого Муравьев начал подготовку к следующему этапу укрепления российского территориального присутствия на р. Амур. Он приступил к формированию Забайкальского казачьего войска с центром в г. Чита. Базой оснащения этого нерегулярного воинского соединения стал Шилкинский Завод, где помимо производства оружия и боеприпасов было развернуто строительство барж, плотов и пароходов «Аргунь» и «Шилка», а также шло комплектование экспедиционного армейского контингента, предназначенного для осуществления предстоящих сплавов по р. Амур. Под такими подразумевалось продвижение вниз по этой реке крупных десантных сил с целью создания сети опорных пунктов в стратегически значимых местах. В результате этих мероприятий должны были появиться компоненты линейно-узловой структуры, где роль главной планировочной оси отводилась р. Амур.

Перед осуществлением первого сплава Муравьев в 1853 г. лично доставил записку императору Николаю I. В ней он, помимо планов по развитию Восточной Сибири, указывал на нарастающие экономические и геополитические сложности дальнейшего удержания российских владений в Северной Америке [9] и предлагал отказаться от этих территорий в пользу сосредоточения внимания на возвращении Приамурья, как более отвечающей интересам страны задаче. В результате император наделил Муравьева дополнительными полномочиями по ведению внешней политики на Востоке. Это было особенно актуально в преддверии Крымской войны, которая началась как вооруженный конфликт с Турцией, на стороне которой выступили Великобритания и Франция. Военно-морская мощь этих стран позволяла совершать захватнические нападения их флотов на дальние окраины России.

Первый сплав был организован в 1854 г., из Шилкинского Завода выдвинулись 6 лодок, 4 вельбота, 18 баркасов, 13 барж, 6 плашкоутов и 29 плотов и построенный пароход «Аргунь». В сплаве принимали участие 754 солдата [30]. В результате были укреплены ранее основанные Невельским военные посты на Нижнем Амуре: Петровский, Мариинский, Александровский в бухте Де-Кастри, Константиновский, которые (соответственно) были основаны в 1850, 1853, 1853, 1853 гг., а также остававшийся главным опорным пунктом России в Приамурье Николаевск. Следует добавить, что первый сплав позволил укрепить

обороноспособность Петропавловска (с 1924 г. Петропавловск-Камчатский), куда из Николаевска проследовало два транспорта с несколькими сотнями моряков, орудиями и провиантом [30].

Принятые превентивные меры по укреплению дальних рубежей уберегли Дальний Восток и Русскую Америку от захвата со стороны Великобритании и Франции. Их эскадры, атаковавшие Петропавловск и Николаевск, не смогли добиться успеха, что во многом было обусловлено результатами проведенного Муравьевым сплава. Таким образом, оборонные возможности Петропавловска, который ранее имел лишь неустойчивое сообщение с Большой землей (Якутская область), с началом формирования новой опорной базы из укрепленных портовых и сухопутных пунктов в Приамурье были усилены. Данный факт свидетельствует, что структура, состоящая всего из четырех компонентов, уже начала оказывать влияние на будущее Тихоокеанской России.

Для усиления присутствия России в регионе необходимой мерой стало уплотнение структурных компонентов на главной планировочной оси вдоль русла р. Амур. Для этого в 1855 г. был подготовлен второй сплав. Во время него Муравьев планировал перебросить 3000 солдат, а вместе с ними 50 семей иркутских и забайкальских крестьян-переселенцев, способных в короткое время обеспечить военный контингент на новых территориях продовольствием. Это позволило дополнительно укрепить Мариинск, где было принято решение сосредоточить основные оборонительные силы, в результате чего на Нижнем Приамурье был определен еще один компонент контроля над большой территорией. Его удобное расположение (сначала это был пост, затем село) давало возможность в случае необходимости перебросить войска в Николаевск по главной планировочной оси, а в Александровский пост по озеру и построенной после первого сплава дороге до бухты Де-Кастри. Также он дополнительно был усилен пехотными и артиллерийскими соединениями.

Муравьевым было принято решение учредить административным центром формируемой Приморской области Восточно-Сибирского генерал-губернаторства Николаевск, основать на Нижнем Амуре поселения: Богородское, Гери (Георгиевское), Большое Михайловское, Мало-Михайловское, Воскресенское, Тыр, Мариинско-Успенское рядом с Мариинским постом станицы Сучи и Кизи (рис. 1) [31].

После второго сплава за компонентами структуры опорного каркаса закрепились определенные функции. Центральными стали Николаевск и Мариинский пост, их следует определить как узловые компоненты первого порядка, так как они сочетали в себе оборонные и хозяйственные функции посредством сосредоточения регулярного военного контингента и крестьянских семей. Населенные пункты, которые были основаны в период первых двух сплавов для расширения контроля над Приморской областью Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, можно определить как компоненты второго порядка. Под прикрытием компонентов первого порядка они выполняли задачи преимущественно транспортного обеспечения и хозяйственного освоения территорий, а также усиления контроля территории формирующегося рубежа страны – как на р. Амур, так и на морском побережье (посты вдоль амурского русла, на морском побережье Александровский пост, Императорская Гавань).

Также стоит обратить внимание на расположение и густоту поселений, особенности которых проявились после первых двух сплавов. Их обусловили два обстоятельства: 1) угроза очередного нападения со стороны европейских держав, для чего необходимо было значительно укрепить устье р. Амур; 2) нахождение Нижнего Амура по Нерчинскому договору 1689 г. вне юрисдикции Империи Цин. То есть до урегулирования с ней дипломатических вопросов о разграничении в регионе военный контингент и поселенцы в большинстве размещались именно на той территории, для оспаривания которой маньчжурские власти имели наименьшие основания.

В 1856 г., до осуществления двух последних сплавов, на р. Амур были основаны военные посты: Кутомандский, Кумарский, Хинганский, Сунгарийский, а также Усть-Зейский

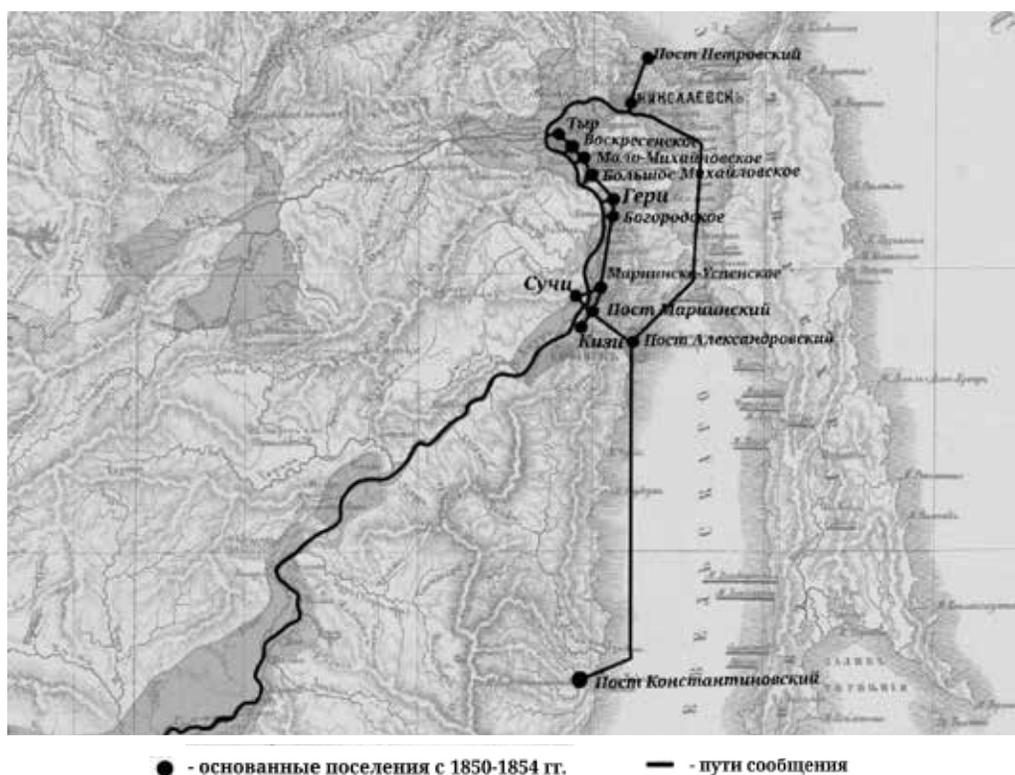

Рис. 1. Схема опорного каркаса нижнего Приамурья

Fig. 1. Scheme of the supporting framework of the Lower Amur region

(рис. 2). Данные посты должны были установить дополнительный контроль над руслом реки и ее протоками. Помимо такой базовой функции всех основанных постов, как контроль территории, они выполняли дополнительную – транзитную, в рамках которой предполагалось пополнение припасов и предоставление возможности отдыха при движении по речному руслу.

Последующие два сплава были необходимы для заселения укрепленных территорий и завершения создания «Амурской линии» на левобережье реки в верхнем Приамурье, которая фактически намечала новый рубеж разграничения с Империей Цин.

Третий сплав был отправлен в 1857 г., в конце которого Муравьев принимает решение о придании официального статуса Приморской области, в состав которой вошли Камчатская область, Удский и Приамурский уезды. В рамках этого мероприятия было отправлено 450 семей для занятия линии от Усть-Стрелки до Хинганского хребта протяженностью 980 верст. В течение лета этого года основано и заселено 15 новых казачьих поселений: Игнашино, Албазино, Бейтоново, Буссе, Ольговское, Кузнецовское, Аносово, Кумарское, Казакевичево, Корсаков, Бибииков, Иннокентьевское, Халтан (Касаткино), Толбузино. На месте основанного в 1856 г. в точке слияния р. Амур с р. Зeya военного поста Усть-Зейский (ныне г. Благовещенск), который прикрыл собой плодородные, пригодные для активного освоения земли Амуро-Зейской равнины, было основано Усть-Зейское поселение, которое стало третьим узловым компонентом первого порядка. Последней станицей, которая была основана в этом году, стала станица Пашковская на месте военного поста Хинган (рис. 2).

Во время четвертого сплава в 1858 г. Муравьев встретился в маньчжурской пограничной крепости Айгунь с делегацией Империи Цин. В результате шестидневных переговоров 6 мая 1858 г. стороны заключили договор, отменивший территориальные реалии Нерчинского договора и определивший новую границу между двумя государствами. Рос-

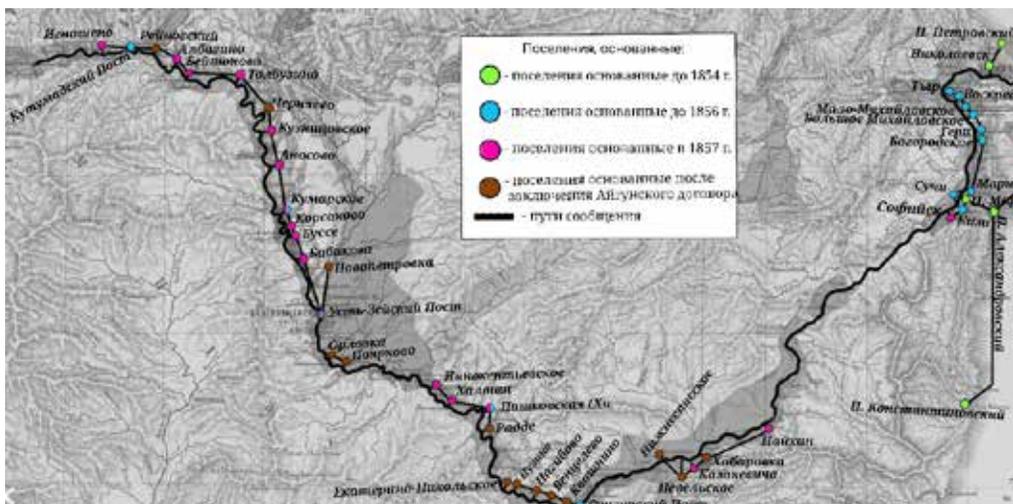

Рис. 2. Схема опорного каркаса Приамурья
 Fig. 2. Scheme of the supporting framework of the Amur region

сийская империя закрепила за собой левый берег р. Амур от р. Аргунь до его устья, а Империя Цин – правый берег р. Амур до впадения в него р. Уссури. Земли от р. Уссури до побережья Тихого океана остались не разграниченными. Судоходство разрешалось только судам двух империй, заключивших договор.

В этом же году были основаны станицы и села: Черняево, поселок Рейновский, в котором с открытием золотых приисков была построена пристань Джалинда на одноименной р. Джалинда (населенный пункт стал опорным для доставки грузов на прииски Верхне-Амурской золотодобывающей компании), Орловка, Поярково, Новопетровка, Радде, Екатерино-Никольское, Пузино, Нагибово, Квашино, Венцелево, Невельское, на месте слияния Амура и Уссури был заложен пост Хабаровка (см. рис. 2). Большая часть опорных пунктов в этом году была основана на Среднем Амуре. Данный факт обусловлен тем, что эта часть бассейна р. Амур была наиболее заселена подданными Империи Цин и имела наименьшую удаленность от священной земли маньчжуров, в связи с чем во избежание конфликтных ситуаций заселение левого берега Среднего Амура на протяжении всех сплавов русскими не осуществлялось до момента подписания Айгунского договора.

Заключение

В 1848–1858 гг. Россия восстановила в Приамурье свои утраченные в XVII в. территориальные позиции и впоследствии смогла сохранить над ними контроль при помощи выстроенного опорного каркаса.

Характерной чертой построения этого каркаса стало наличие двух пространственных секторов. Первый, обозначенный как Амурский, имел вид узкой полосы, протянувшейся вдоль судоходного пути по р. Амур, вдоль которого, повторяя рисунок этой трассы, расположились казацкие станицы и армейско-гражданские поселения. Их назначения состояло в укреплении нового государственного рубежа, освоении земель по левобережью р. Амур, в установлении и поддержании прочной связи России с ее возвращенными землями.

Для второго, Охот-Амурского сектора, был свойственен первичный контур сетевого построения. Поселения размещались в его пределах не только вдоль трассы по низовью р. Амур (Мариинск, Николаевск, Суча, Хабаровка, Нижнеспасское, Невельское, Казакевича, Найхин, Софийск, Кизи, Богородское, Гери (Георгиевское), Большое Михайловское, Мало-Михайловское, Воскресенское, Тыр, Мариинско-Успенское), но в отдалении от нее

на морском побережье. Там располагались Константиновский, Петровский и Александровский посты. Помимо речного сложились пути сообщения по прибрежной акватории Охотского моря и Татарского пролива, с дальнейшим выходом к полуостровам Камчатка, Аляска и в нейтральные воды. На суше был проложен сухопутный тракт от Мариинского поста к Де-Кастри.

Функции Охот-Амурского сектора состояли в вовлечении в хозяйственный оборот природных ресурсов Нижнего Приамурья и южной части Охотского моря, разведке ресурсной базы о-ва Сахалин, также в защите Амурской трассы от внешних угроз и установлении торговых контактов со странами Пацифики и Европы.

Безусловно, построение данного каркаса имело определенные издержки. Так, за его пределами остались огромные массивы территории, вообще не охваченные инфраструктурой. Это означало крайне медленные темпы их хозяйственного освоения и общей интеграции во внутреннее российское государственное пространство. Однако в специфических условиях Дальнего Востока иных вариантов структурного освоения Приамурья в XIX в. не существовало, а в дальнейшем именно его конструкция стала основой опорного каркаса России на Дальнем Востоке.

Литература

1. Шведов В.Г. Историческая политическая география: обзор становления, теоретические основы, практика. Владивосток: Дальнаука, 2006. 259 с.
2. Берг Л.С. Географические труды В.Н. Татищева // Вопросы географии. Сб. 31. М.: ГИГЛ, 1953. С. 31–38.
3. Бюшинг А.Ф. Османское государство в Европе и Республика Рагузская. Санкт-Петербург: Изд-во Императорской Академии наук, 1770. 216 с.
4. Клаузевиц К. О войне. М.: Аст, 2001. Т. 1. 558 с.
5. Маккиндер Х. Геополитический стержень истории // Элементы. 1996. № 7. С. 26–31.
6. Савицкий П.Н. Геополитические заметки по русской истории / отв. ред. Е.А. Кривцова. М.: Эксмо, 2003. С. 823–859.
7. Майков Л.Н. Очерки русской исторической географии // Журн. Министерства народного просвещения. 1874. Ч. 174. С. 250–251.
8. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. Санкт-Петербург: Лань, 2000. 302 с.
9. Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии. Петроград: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. 33 с.
10. Бродель Ф. Что такое Франция? Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. Т. 1. 406 с.
11. Витвер И.А. Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира. М.: Географиз, 1963. 366 с.
12. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2005. 477 с.
13. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 168 с.
14. Баранский Н.Н. Экономическая география. Экономическая картография. М.: Географиз, 1956. 452 с.
15. Лаппо Г.М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Изв. АН СССР. Серия географическая. 1983. № 5. С. 16–28.
16. Маергойз И.М. Территориальная структура хозяйства и некоторые подходы к ее исследованию в свете социалистической экономической интеграции // Территориальная структура народного хозяйства в социалистических странах. М.: Наука, 1976. С. 3–21.
17. Дружинин А.Г. «Военная тематика» в российских общественно-географических исследованиях: подходы, тренды, приоритеты // Географический вестн. 2023. № 1 (64). С. 30–43.
18. Каледин Н.В. Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 1996. 163 с.
19. Шведов В.Г. Формирование государственной территории США – исторический политико-географический обзор. Биробиджан: Изд-во ПГУ, 2013. Ч. 1. 107 с.
20. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX в. М.: Наука, 1982. 288 с.
21. Боенков С.А. Океанический этап в освоении российского северо-востока // Геосистемы в Северо-Восточной Азии: природные и социально-экономические факторы и структуры. Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2024. С. 268–271.
22. Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974. 246 с.

23. Кабанов П.И. Амурский вопрос. Благовещенск: Амурское книжное изд-во, 1959. 256 с.
24. Алексеев А.И. Геннадий Иванович Невельской. М.: Наука, 1984. 191 с.
25. Петров Г.Ю. Опиумные войны и легализация наркопотребления в Китае нового времени // Историко-экономические исследования. 2008. Т. 9, № 2. С. 140–150.
26. Hopkirk P. The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia. London: Kodansha International, 1992. 565 p.
27. Задонский Н.А. Жизнь Муравьева. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1966. 443 с.
28. Нарочницкий А.Л., Грубер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я. Международные отношения на Дальнем Востоке в 1917–1945 годах. Москва: Мысль, 1973. 351 с.
29. Алексеев А.И. Амурская экспедиция 1849–1855 гг. / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР, Дальневост. центр АН СССР; [отв. ред. А. Н. Хохлов]. М.: Мысль, 1974. 188 с.
30. Государственный архив Хабаровского края. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gakhkk.khabkrai.ru/news/amurskie-splavy-n-n-muraveva/> (дата обращения: 25.11.2024).
31. Амурская областная научная библиотека имени Н.Н. Муравьева-Амурского. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://libamur.ru/new/11812.html> (дата обращения: 25.11.2024).

References

1. Shvedov, V.G. Historical Political Geography: A Review of Formation, Theoretical Foundations, and Practice. Dalnauka: Vladivostok, Russia, 2006; 259 p. (In Russian)
2. Berg, L.S. Geographical Works of V.N. Tatishchev. *Questions of Geography*. 1953, Vol. 31, 31–38. (In Russian)
3. Büsching, A.F. The Ottoman State in Europe and the Republic of Ragusa. Imperial Academy of Sciences Publishing House: St. Petersburg, Russia, 1770; 216 p. (In Russian)
4. Clausewitz, C. On War. AST: Moscow, Russia, 2001, Vol. I; 558 p. (In Russian)
5. Mackinder, H. The Geopolitical Pivot of History. *Elements*. 1996, 7, 26–31. (In Russian)
6. Savitsky, P.N. Geopolitical Notes on Russian History / ed. by E.A. Krivtsova. Eksmo: Moscow, Russia, 2003, 823–859. (In Russian)
7. Maykov, L.N. Essays on Russian Historical Geography. *Journal of the Ministry of Public Education*. 1874, 174, 250–251. (In Russian)
8. Lyubavsky, M.K. Historical Geography of Russia in Connection with Colonization. Lan: St. Petersburg, Russia, 2000; 302 p. (In Russian)
9. Semenov-Tyan-Shansky, V.P. On Powerful Territorial Possession in Relation to Russia: An Essay on Political Geography (Reported to the Department of Physical Geography in 1912, revised and supplemented in 1915). Stasyulevich Printing House: Petrograd, Russia, 1915; 33 p. (In Russian)
10. Braudel, F. What Is France? Sabashnikov Publishing House: Moscow, Russia, 1994; Vol. I; 406 p. (In Russian)
11. Vitver, I.A. Historical-Geographical Introduction to the Economic Geography of the Foreign World. Geografiz: Moscow, Russia, 1963; 366 p. (In Russian)
12. Kolosov, V.A.; Mironenko, N.S. Geopolitics and Political Geography. Aspekt Press: Moscow, Russia, 2005; 477 p. (In Russian)
13. Baklanov, P.Ya.; Romanov, M.T. Economic-Geographical and Geopolitical Position of Pacific Russia. Dalnauka: Vladivostok, Russia, 2009; 168 p. (In Russian)
14. Baransky, N.N. Economic Geography. Economic Cartography. Geografiz: Moscow, Russia, 1956; 452 p. (In Russian)
15. Lappo, G.M. The Concept of the Supporting Framework of the Territorial Structure of the National Economy: Development, Theoretical and Practical Significance. *Izvestia of the USSR Academy of Sciences. Geographical Series*. 1983, 5, 16–28. (In Russian)
16. Maergoiz, I.M. The Territorial Structure of the Economy and Some Approaches to Its Study in the Light of Socialist Economic Integration. In *The Territorial Structure of the National Economy in Socialist Countries*. Nauka: Moscow, Russia, 1976, 3–21. (In Russian)
17. Druzhinin, A.G. “Military Themes” in Russian Socio-Geographical Research: Approaches, Trends. *Geographical Bulletin*. 2023, 1(64), 30–43. (In Russian)
18. Kaledin, N.V. Political Geography: Origins, Problems, Principles of the Scientific Concept. St. Petersburg University Press: St. Petersburg, Russia, 1996; 163 p. (In Russian)
19. Shvedov, V.G. The Formation of the U.S. State Territory: A Historical Political-Geographical Review. PSU Publishing House: Birobidzhan, Russia, 2013, Part I; 107 p. (In Russian)
20. Alekseev, A.I. The Development of the Russian Far East and Russian America by the Russians Until the End of the 19th Century. Nauka: Moscow, Russia, 1982; 288 p. (In Russian)
21. Boehkov, S.A. The Oceanic Stage in the Development of the Russian Northeast. In *Geosystems in Northeast Asia: Natural and Socio-Economic Factors and Structures*. PGI FEB RAS: Vladivostok, Russia, 2024, 268–271. (In Russian)
22. Melikhov, G.V. The Manchus in the Northeast (17th Century). Nauka: Moscow, Russia, 1974; 246 p. (In Russian)

23. Kabanov, P.I. The Amur Question. Amur Book Publishing House: Blagoveshchensk, Russia, 1959; 256 p. (In Russian)
24. Alekseev, A.I. Gennady Ivanovich Nevelskoy. Nauka: Moscow, Russia, 1984; 191 p. (In Russian)
25. Petrov, G.Yu. The Opium Wars and the Legalization of Drug Use in Modern China. *Historical and Economic Research*. 2008, 9(2), 140–150. (In Russian)
26. Hopkirk, P. The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia. Kodansha International: London, Great Britain, 1992; 565 p.
27. Zadonsky, N.A. The Life of Muravyov. Central Black Earth Book Publishing House Voronezh, Russia, 1966; 443 p. (In Russian)
28. Narochnitsky, A.L.; Gruber, A.A.; Sladkovsky, M.I.; Burlingas, I.Ya. International Relations in the Far East (1917–1945). Mysl: Moscow, Russia, 1973; 351 p. (In Russian)
29. Alekseev, A.I. The Amur Expedition (1849–1855). USSR Academy of Sciences, Institute of USSR History, Far Eastern Center of the USSR Academy of Sciences; [ed. by A.N. Khokhlov]. Mysl: Moscow, Russia, 1974; 188 p. (In Russian)
30. State Archive of Khabarovsk Krai. Available online: <https://gakhkk.khabkrai.ru/news/amurskie-splavy-n-n-muraveva/> (accessed on 25 November 2024). (In Russian)
31. Amur Regional Scientific Library Named After N.N. Muravyov-Amursky. Available online: <https://libamur.ru/new/11812.html> (accessed on 25 November 2024). (In Russian)

Статья поступила в редакцию 27.02.2025; одобрена после рецензирования 28.03.2025; принята к публикации 10.04.2025.

The article was submitted 27.02.2025; approved after reviewing 28.03.2025; accepted for publication 10.04.2025.

